

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОЙ ДЕМОКРАТИИ

УДК 94(38).02:325.3(045)

В. И. Шубин

РАННИЕ ЭВБЕЙСКИЕ КОЛОНИИ В ИТАЛИИ

Питекусса и Кима — первые греческие колонии в Италии, основанные выходцами с о-ва Эвбея, по праву занимают особое место как в истории Великой греческой колонизации VIII–VI вв. до н. э. в целом, так и особенно в истории ее западного направления. Появление этих поселений знаменовало собой начало общего процесса освоения греками-колонистами обширных территорий Италии и Сицилии, объединенных позднее общим понятием — Великая Греция. Указанные обстоятельства определяют то внимание, которое уделяется в современной историографии различным проблемам, связанным с начальной историей этих колоний.

Данные античной традиции об обстоятельствах и времени основания Питекуссы и Кимы весьма кратки и порой противоречивы. Единственная точная дата основания Кимы, содержащаяся у Евсевия, — 1050 г. до н. э. — в настоящее время считается ошибочной и, возможно, относится к основанию одноименного полиса, расположенного на западном побережье Малой Азии [1, р. 5; 2, р. 101]. По сообщению Страбона, Кима была самой древней из всех сицилийских и италийских колоний (Strab. V, 4, 4). В то же время указанная оценка Страбона находится в противоречии с сообщением Тита Ливия о том, что халкидяне, основатели Кимы, сначала высадились на Питекуссе, а уже затем решились перебраться на материк (Livy VIII, 22, 6). При этом пребывание их на Питекуссе выглядит у римского историка недолгой промежуточной остановкой перед высадкой на кампанское побережье. Сообщение Тита Ливия, в свою очередь, плохо согласуется с рассказом Страбона о появлении и дальнейшем пребывании на Питекуссе первых ее греческих обитателей (Strab. V, IV, 9), поскольку указанные в нем колонисты, прежде чем покинуть остров из-за природного катаклизма, населяли его достаточно продолжительное время. Примечательно также, что у Страбона сюжет о Питекуссе ни логически, ни хронологически не связан с рассказом об основании Кимы (Strab. V, 4, 4).

Указанные противоречия, на наш взгляд, можно объяснить тем, что Страбону могли быть и неизвестны подробности основания греческого поселения на Питекуссе. Согласно его же рассказу, остров не раз менял своих обитателей по причине периодически возобновлявшейся здесь сейсмической активности. Так, после того как его покинуло население первой колонии, здесь попытались обосноваться переселенцы из Сицилии, которые, в свою очередь, вынуждены были оставить остров по той же причине, что и его прежние обитатели, а затем на Питекуссе поселились неаполитанцы (Strab. V,

IV, 9). В указанных обстоятельствах такие детали местного предания, как точное время и обстоятельства первоначальной колонизации острова, могли быть утрачены, и Страбон, таким образом, передает то немногое, что осталось. Возможно, впрочем, что даже и зная, подобно Титу Ливию, об остановке основателей Кимы на Питекуссе, он именно Киму назвал древнейшей колонией в Италии, поскольку счел указанную деталь недостаточно существенной.

Таким образом, для выяснения обстоятельств, при которых возникли греческие колонии Питекусса и Кима, а значит, и для воссоздания общей картины ранней эвбейской колонизации Италии, необходимо в первую очередь определить роль и место в этом процессе Питекуссы, и, прежде всего, можно ли считать краткое упоминание Тита Ливия о высадке на Питекуссе основателей Кимы достаточным основанием в пользу предположения о появлении на острове колонии. В этом случае первенствующее положение Питекуссы придает особую ценность рассказу Страбона о первых ее греческих обитателях, поскольку содержащиеся в нем сведения не только позволяют воссоздать некоторые обстоятельства ранней истории и определить начальный характер этой колонии, но и представляют, таким образом, важную информацию о начале колонизации Италии и Сицилии в целом.

Необходимые свидетельства, способные восполнить недостаток данных античной традиции и позволяющие определить время и последовательность основания первых греческих колоний в Италии, были получены в ходе археологических исследований. На Питекуссе эти исследования начались в середине прошлого века и в первые же годы принесли богатейший материал. Анализ полученных результатов показал, что греческое поселение было основано здесь во второй четверти VIII в. до н. э. — на возвышенности Сан Монтано [3, р. 12]. По соседству располагался обширный некрополь, содержащий более тысячи погребений, большая часть которых была датирована VIII–VII вв. до н. э. Обнаруженный в погребениях и на склоне акрополя Питекуссы материал указывал на существование здесь уже во второй половине VIII в. до н. э. развитого ремесленного производства, продукция которого находила спрос как в самой колонии, так и на местном, италийском рынке. Кроме того, Питекусса стала важным транспортным узлом на морском торговом пути, по которому в Италию поступали товары из различных областей Греции и региона Восточного Средиземноморья [1, р. 6; 3, р. 5–12; 4, р. 135–136; 5, р. 211–220; 6, р. 165–167].

Данные археологии, полученные в результате раскопок на территории Кимы, не столь полны и оставляют возможность для различных трактовок относительно времени основания поселения. А. Блэквэй, анализируя керамику, обнаруженную в ранних греческих погребениях Кимы, датировал возникновение колонии 775–750 гг. до н. э. [7, р. 129]. Т. Данбэбин, сравнивая раннюю керамику из Кимы со сходным ей материалом из Сиракуз, пришел в выводу, что Кима была основана около 750 г. до н. э. или немногим ранее [1, р. 5]. В более поздних работах начальная дата трактуется более сдержанно. А. Вудхед определяет ее 750–725 гг. до н. э. [8, р. 36], А. М. Снодграсс, датируя раннюю керамику греческих погребений Кимы 720 г. до н. э., все же относит ее основание к середине VIII в. до н. э. — в расчете на возможность обнаружения здесь в будущем более раннего материала [9, р. 121]. Наконец А. Грэхэм, констатируя, что данные археологии не подтверждают свидетельство Страбона о Киме как самой ранней колонии в Италии и Сицилии, ссылается в то же время на рассказ Фукидида об основании Занклы кимейскими пиратами (Thuc. VI, 4, 5). И поскольку возникновение Занклы можно отнести к третьей четверти VIII в. до н. э., постольку основание Кимы должно было произойти, по крайней мере, ранее этого времени [2, р. 101]. В целом

большинство исследователей относит основание Кимы к середине — третьей четверти VIII в. до н. э.

Таким образом, в общем смысле свидетельство Тита Ливия относительно первенства Питекуссы в деле колонизации Италии получило подтверждение, а сообщение Страбона на этот счет оказалось ошибочным. В то же время, принимая во внимание даты основания Питекуссы и Кимы, полученные на основе сравнительного анализа данных археологии, следует признать, что обстоятельство основания Кимы и место Питекуссы в этом процессе не вполне соотносятся с рассказом Тита Ливия. Согласно ему, халкидяне, прибывшие на кораблях из метрополии и высадившиеся на Питекуссе, выступили также и основателями Кимы, что представляется маловероятным, поскольку временное расхождение между этими двумя событиями определяется, как минимум, двадцатью или даже тридцатью годами. Следовательно, участие Питекуссы в основании Кимы, не вызывающее само по себе сомнений, следует трактовать несколько иначе.

Туземное поселение, на месте которого возникла Кима, посещалось греческими торговцами еще до появления колонии на Питекуссе. Об этом свидетельствует наличие в инвентаре местных догреческих погребений нескольких сосудов, относящихся к Среднегеометрическому II периоду и датируемых 800–760 гг. до н. э. [10, р. 29; 11, р. 76–78; 12, р. 223–224]. Дополнительную информацию о характере связей, существовавших между Питекуссой и догреческим поселением, располагавшимся на месте будущей Кимы, принесли открытия, сделанные в 90-х годах прошлого века при раскопках оборонительной стены, некогда защищавшей территорию колонии с севера. Как выяснилось, при строительстве стены в конце VI — начале V в. до н. э., для засыпки пространства между туфовыми куртинами, использовалась земля, взятая с территории расположенного рядом туземного некрополя, относящегося к догреческому периоду существования поселения. Помимо прочего погребального инвентаря здесь была обнаружена небольшая группа греческой керамики. Меньшая ее часть относилась к Среднегеометрическому II периоду и, следовательно, могла быть отнесена ко времени, предшествующему появлению колонии на Питекуссе. Большая же часть найденной керамики была идентична ее раннему материалу. По мнению Б. д'Агостино, участника и одного из руководителей работ, последние находки могли принадлежать туземным захоронениям и, следовательно, выступают очередным свидетельством торговых связей Питекуссы с местным населением. В то же время он высказывает предположение о том, что указанные находки могли быть частью инвентаря одного или нескольких греческих погребений. Основанием для этого предположения служат следы обжига, сохранившиеся на керамике и фрагментах костей и указывающие на способ погребения — кремацию. Кремация была совершенно не характерна для местных туземных погребений, но была весьма распространенным погребальным обрядом на Питекуссе [5, р. 208–211]. Предложенное д'Агостино толкование представляется нам достаточно обоснованным. Указанные находки, таким образом, могут свидетельствовать о том, что выходцы из Питекуссы не только торговали с местным населением, но и входили — пусть и весьма немногочисленной группой — в состав населения догреческой Кимы. В поддержку такой возможности можно сослаться на подобную ситуацию, зафиксированную в Этрурии, на территории которой, по мнению ряда исследователей, уже в VIII в. до н. э. могли проживать и производить продукцию из местного сырья греческие ремесленники [7, р. 132; 12, р. 223–224; 13, р. 25–26].

Данные античной традиции об основании Кимы, сохранившиеся в сочинениях ряда авторов, отличаются краткостью и содержат существенные расхождения относительно состава ее основателей. Так, в рассказе Страбона сообщается, что «возглавившие

поход Гиппокл из Кимы и Мегасфен Халкидянин договорились между собой, чтобы одни были основателями колонии, а другие дали ей имя (τῶν μὲν τὴν ἀποικίαν εἶναι τῶν δὲ τὴν ἐπωνυμίαν); поэтому и ныне город называется Кима, но считается, что его основали халкидяне» (Strab. V, IV, 4). Упомянув Киму в качестве одной из метрополий, Страбон не уточняет, какой именно полис он имеет в виду — Эолийскую Киму или небольшое одноименное поселение на Эвбее, единственное упоминание о котором сохранилось к настоящему времени только у Стефана Византийского (Steph. Byz. s.v. Κύμη). В пользу эолийской версии свидетельствует, как будто, сообщение Псевдо-Скимна об италийской Киме, которую πρότερον ἦν Χαλκιδεῖς ἀπόκισαν, εἰτ' Αἰολεῖς (Pseudo Scymnus Geogr: Ad Nicomedem regem. W 236–238 (sub titulo Orbis descriptio). При этом, однако, неясным остается происхождение упомянутых эолийцев. Непонятно также, можно ли, в предложенном контексте, считать их современниками и, следовательно, полноправными соучастниками халкидян в основании колонии. В то же время аргументом в пользу эвбейской Кимы может служить сообщение Веллея Патеркула, в котором упомянутые Страбоном Гиппокл и Мегасфен оба выступают предводителями халкидян (Chalcidenses... Hippocle et Megasthene ducibus, Cumas in Italia condiderunt. — Velleius Paterculus Hist. Rom. I, 4). Наконец, Дионисий Галикарнасский наряду с халкидянами называет основателями Кимы эретрийцев (Ἐρετριεῖς τε καὶ Χαλκιδεῖς ἔκτισαν — Dion. Hal. Ant. Rom. VII, 3, 1).

Указанная неопределенность свидетельств античной традиции способствовала формированию различных подходов к вопросу о метрополиях италийской Кимы. Так, Д. Бьюри, оспаривая право эвбейской Кимы считаться таковой, указывает прежде всего на крайнюю незначительность этого поселения, выразившуюся в почти полном отсутствии упоминаний о нем в письменной традиции [14, p. 631; 15, p. 15]. О. Гвинн, отстаивая противоположную точку зрения, подчеркивает, что в известных случаях совместного участия нескольких полисов в основании ранних колоний основой объединения выступала общность происхождения и интересов. В случае с основанием Кимы важным обстоятельством, по его мнению, являлось именно то, что обе ее метрополии — Халкида и Кима — были полисами Эвбеи [16, p. 102].

Последняя гипотеза представляется нам более основательной и плодотворной. Действительно, указанные полисы уже хотя бы в силу своей географической близости должны были сформироваться в рамках общей для их региона — острова Эвбеи — социально-экономической и политической традиции. В этом отношении статус халкидской колонии, принятый на основе договора между двумя группами основателей, был в достаточной степени приемлем для обеих сторон. Указанный статус подчеркивал прямую связь новообразованного поселения с Халкидой — одним из самых влиятельных и могущественных полисов греческого мира и обеспечивал тем самым особый авторитет и определенные преимущества для ее колонии. Ответная уступка халкидянами права эпонимии кимейцам выглядит вполне разумной и справедливой, особенно если допустить, что в составе переселенцев выходцы из эвбейской Кимы составляли значительную долю или даже большинство. Предположительно скромные размеры их метрополии такому допущению нисколько не противоречат: достаточно вспомнить, что большая часть отряда коринфян, основателей Сиракуз, также происходила из небольшого селения Тенеи (Strab. VIII. 6. 22). Напротив, маловероятным кажется, чтобы халкидская по статусу колония была поименована в честь эолийского полиса. Добавим, что в указанную концепцию культурной общности достаточно органично вписывается и отмеченное Страбоном и Дионисием Галикарнасским участие в колонизации Питекусы и Кимы еще одного полиса Эвбеи — Эретрии. Таким образом, логичным будет предположение,

что и причины, повлекшие практически одновременно на путь колонизации Халкиду, Эретрию и Киму, должны были быть общими для этих соседних полисов.

Античная традиция сохранила мало свидетельств, позволяющих с уверенностью судить о причинах основания и характере первых греческих колоний в Италии, оставляя, таким образом, возможность для различных на этот счет предположений. Так, О. Гвинн, сравнивая на основании данных письменных источников Киму с другими сопоставимыми по времени колониями северной Эгеиды и Великой Греции, пришел к выводу об аграрном характере этого поселения [16, р. 96]. В свою очередь, с началом археологических исследований в Этрурии и на месте древней Кимы, результаты которых свидетельствовали о ранних торговых контактах Италии с Грецией [7, р. 129–130], и особенно с началом работ на Питекуссе, наметилась иная точка зрения на указанную проблему. Окончательное оформление она получила в ряде работ, опубликованных в 60–70 годах прошлого века. Согласно предложенной в них концепции появление Питекуссы и Кимы в Кампании было вызвано торговыми интересами эвбейских полисов. Эти колонии были основаны как торговые центры, располагавшиеся на пути из Греции в богатую природными ресурсами (и прежде всего железной рудой) Этрорию. В свою очередь, в обмен на ценное сырье через эти колонии в Италию импортировалась имеющая спрос на местном рынке ремесленная продукция из Греции и Восточного Средиземноморья. Дополнительным аргументом в пользу «торговой» и против «аграрной» концепции основания Питекуссы и Кимы авторы выдвигали то обстоятельство, что эти поселения оказались на наибольшем по сравнению с другими колониями удалении от метрополии. Следовательно, их основатели, выбирая места для поселений, намеренно стремились расположиться как можно ближе к Этрурии и поэтому оставили без внимания более близкие и богатые плодородными землями территории вдоль побережий Северной Италии и Сицилии, ставшие объектами колонизации в последующие времена [1, р. 7; 3, р. 5–12; 6, р. 168; 17, р. 79–80; 18, р. 41–42].

«Торговая» теория основания Питекуссы и Кимы, целиком базирующаяся на интерпретации археологических данных и игнорирующая свидетельства античной традиции, в свою очередь, была подвергнута справедливой и, на наш взгляд, достаточно аргументированной критике в ряде работ, опубликованных в 70–90 годы. В рамках указанной критики недоказанным представляется тезис, согласно которому главной причиной, по которой полисы Эвбеи основали Питекуссу и Киму, была острая потребность метрополии в вывозимом из Этрурии железе. Материальным подтверждением данного тезиса служили находки на территории Питекуссы следов обработки этого металла. Однако наличие богатых месторождений железа и меди на самой Эвбее — на Лелантской равнине, зафиксировано в письменной традиции (Strab. X. 1. 9). Указанное свидетельство, нашло, в свою очередь, полное подтверждение в ходе изысканий на территории острова, предпринятых после Второй мировой войны, в результате которых были обнаружены многочисленные месторождения железа, расположенные в различных районах Эвбеи [19, р. 45–56]. Помимо Эвбеи богатые месторождения железа имелись и в других регионах Греции — как на материке, так и на островах Эгейского моря. Следовательно, не было никакой нужды в организации специальных колоний, расположенных на отдаленной периферии, для снабжения полисов Эвбеи привозимым оттуда металлом [20, р. 43–44]. Указанный тезис опровергается также и результатами геологических и археологических исследований, предпринятых на местах древних железных копей в Этрурии и на о-ве Эльба, говорящими о том, что разработка месторождений железной руды здесь носила начиная с середины VIII в. до н. э. лишь спорадический характер, а систематическая ее добыча началась только с конца VI в. до н. э. [21, р. 29–30]. Таким

образом, следы металлургического производства на Питекуссе могут свидетельствовать лишь о том, что в этой колонии спустя некоторое время после ее основания возникло собственное ремесленное производство, использующее местные сырьевые ресурсы [9, р. 355–356]. К этому нужно добавить, что на территории Кимы следы подобного производства пока не обнаружены. Следовательно, главное положение «торговой» теории происхождения Питекуссы и тем более Кимы остается недоказанным.

Общему представлению об изначально эмпориальном характере Питекуссы не соответствуют и результаты комплексного анализа погребений ее некрополя, опубликованные Б. д'Агостино в конце 90-х годов прошлого века. По мнению автора, такие характерные особенности, как соотношение способов погребения, взаимное расположение могил и найденный в них погребальный инвентарь, свидетельствуют о существовании на Питекуссе четкой социальной структуры, в которой ощущается сильное влияние родовых традиций [5, р. 211–219]. Указанные черты, на наш взгляд, характерны скорее для общины «гомеровского» типа (что вполне согласуется и со временем возникновения колонии), нежели для эмпория. В свою очередь, результаты раскопок греческого некрополя Кимы также достаточно определенно указывают на традиционный характер ее общества, унаследованный от метрополии. Так, по мнению ряда исследователей, группа погребений, относящихся к ранней истории Кимы, судя по их типу и содержанию, должна была принадлежать представителям местной аристократии. При этом указанные погребения демонстрируют типологическое сходство с аристократическими захоронениями VIII в. до н. э., обнаруженными в Эретрии — одной из вероятных метрополий Кимы [12, р. 196–197; 22, р. 125–126; 2, р. 102]. Таким образом, есть достаточные основания для того, чтобы судить о Питекуссе и Киме как о полноценных колониях — апойкиях, социальная структура которых вполне укладывалась в рамки политической традиции, сформировавшейся в аристократических полисах метрополии, и соответствовала общему уровню развития греческого общества начала Архаической эпохи¹.

Столь же традиционной по характеру и структуре представляется и экономика обеих колоний в начальный период их существования. По Страбону, основой преуспевания первых греческих поселенцев на Питекуссе было плодородие земли («ευτυχήσαντες δ' εὐχαρίαν» — Strab. V, IV, 9). Попытки игнорировать это свидетельство или истолковать указанную «эвкарсию» вопреки авторскому контексту, предпринятые сторонниками «торговой» теории, представляются недостаточно убедительными, поскольку базируются лишь на субъективной оценке современного состояния местной почвы [6, р. 168; 4, р. 135–136]. Между тем данные Страбона получили убедительное подтверждение с открытием на острове наряду с главным поселением еще двух — в Лакко Амено (Меццавиа) и Пунта Чиарито, основание которых приходится на вторую половину VIII в. до н. э. Появление этих поселений прямо указывает на то, что процесс интенсивного освоения островной территории развернулся на Питекуссе уже в первые десятилетия существования колонии [26, р. 98–99]. Аграрный характер экономики Кимы также нашел отражение в античной традиции. Так, Страбон напрямую связывает благосостояние Кимы с примыкающей к ней обширной и плодородной Флегрейской равниной («πρότερον μὲν ἤρτυσει ἢ τε πόλις καὶ τὸ Φλεγραῖον καλούμενον πεδῖον» — Strab. V. 4. 4). Освоение ее, также как и других плодородных областей Кампании, стало характерной чертой колонизационной политики Кимы. Результатом указанной экспансии явилось основание ряда поселений — Дикеархии (Strab. V.4.6), Партенопоя, Палеполя

¹Общий очерк истории греческой колонизации эпохи архаики, сопровождаемый анализом ее ключевых проблем, с указанием важнейших сочинений отечественных и зарубежных авторов, содержится в работах ряда современных исследователей [23, с. 94–232; 24, с. 83–229; 25, с. 4–46].

и Неаполя (Strab. V. 4. 7; Livy VIII. 22. 5–6; Velleius Paterculus Hist. Rom. I, 4), расположенных к югу от Кимы вдоль кампанского побережья. Общая площадь территории, контролируемой Кимой в период ее расцвета, по подсчетам современных исследователей, составляла 280 кв. км [27, р. 270].

Таким образом, свидетельство античной традиции и результаты археологических исследований Питекуссы и Кимы представляют, на наш взгляд, достаточно исходных данных для определения первоначального характера этих поселений. Подобно другим колониям, основанным Эвбеей во второй половине VIII в. до н. э., они возникли как апойкии — аграрные поселения, вызванные к жизни общим для раннеархаической Греции явлением, получившим название «относительного перенаселения». Первенство Эвбеи — метрополии Питекуссы и Кимы, раньше других областей Греции вступившей на путь колонизации, на наш взгляд, могло быть обусловлено тем, что указанное явление проявилось здесь сравнительно рано или же было усугублено какими-то сопутствующими неблагоприятными факторами².

С самого начала эвбейская колонизация Италии и Сицилии носила организованный характер. Так, основание первых колоний в Италии — как Питекуссы, так и Кимы — было предпринято усилиями нескольких соседних полисов, что указывает на существование между ними определенной кооперации. Наглядным свидетельством этой кооперации служит приведенный выше рассказ Страбона о соглашении, достигнутом между халкидянами и кимейцами относительно статуса и названия общей для них колонии — Кимы. Указанное соглашение, несомненно, должно было быть заключено еще на Эвбее, до отправки переселенцев в Италию, с тем, чтобы обеспечить правовую базу для координации их совместных действий при закладке колонии. Вполне логично в данных обстоятельствах, что полномочными представителями договаривающихся сторон выступили уже облеченные к этому времени правами ойкистов Гишокл и Мегасфен. К сожалению, ввиду отсутствия соответствующих свидетельств античной традиции, мы не можем судить об обстоятельствах основания Питекуссы. Однако, принимая во внимание, что, как и Кима, она была совместным предприятием полисов Эвбеи, один из которых — Халкида — выступил метрополией для обеих колоний, можно предположить, что какие-то элементы указанного порядка впервые нашли применение уже здесь.

Неслучайным и чрезвычайно удачным представляется выбор места для основания Питекуссы. Островное положение этой колонии предоставляло ей защиту от возможных враждебных акций со стороны местного населения. В то же время наличие на острове значительного по площади массива плодородной земли, обеспечивало необходимую производственную базу как для первых колонистов, так и для последующих переселенцев из метрополии. Немаловажное значение имело также и близкое соседство Питекуссы с богатыми на природные ресурсы регионами Италии — Кампанией и Этрурией. Указанные обстоятельства обеспечили благоприятные условия для становления и всестороннего развития колонии. Так, наряду с земледелием, доступность сырьевых ресурсов Этрурии обусловила раннее возникновение в Питекуссе собственного ремесленного производства, частично ориентированного на итальянский рынок [11, р. 88–89; 4, р. 137–143]. В то же время Питекусса стала опорной базой для развития в этом регионе греческой торговли, преимущественное положение в которой получили полисы Эвбеи. Распространение в Италии продукции греческого ремесла, как производимой здесь, так и привозной, сопровождалось проникновением сюда новых, передовых технологий, оказавших заметное влияние на развитие местного ремесла [7, р. 129–130;

²Дж. Коквелл, ссылаясь на свидетельство Страбона (Strabo VI.1.6), предполагает в качестве такого фактора засуху [28, р. 302–303].

13, p. 25–26]. Таким образом, появление в первой половине VIII в. до н. э. греческой колонии у побережья Кампании способствовало формированию в этом районе новой, динамично развивающейся системы экономических и культурных взаимосвязей. В результате здесь сложились особые, наиболее благоприятные условия для дальнейшей его колонизации, в которой Питекусса могла сыграть роль опорной базы. Указанные обстоятельства, по нашему мнению, в значительной степени обусловили выбор места для следующей эвбейской колонии — Кимы.

Основание Кимы было следствием дальнейшего развития ситуации аграрного кризиса на Эвбее. Подтверждением этому может служить включение в число полисов — организаторов колонизационного процесса, новых участников. Так, наряду с Халкидой и Эретрией, метрополиями Питекуссы, активную роль в основании новой колонии сыграла давшая ей название эвбейская Кима. С другой стороны, вероятным дополнительным фактором, ускорившим появление Кимы в Италии, было то обстоятельство, что возможности Питекуссы по приему новых колонистов были очень быстро исчерпаны. По оценкам некоторых специалистов, уже в первом поколении численность ее населения могла достигать 4–10 тыс. человек [29, p. 101–103; 30, p. 133]. В результате здесь возникла ситуация «относительного перенаселения», которая и привела к упомянутой Страбоном смуте, закончившейся выселением с острова части колонистов («ἐξέλιπον τῆν ἡῶσον κατὰ στάσιν» — Strab. V, 4, 9). И хотя автор не указывает, куда отправились переселенцы, логично будет предположить, что они приняли участие в основании Кимы, присоединившись к отряду, прибывшему из общей для них метрополии.

Основание Питекуссы, а затем и Кимы, обладавшей гораздо большим по сравнению с Питекуссой потенциалом развития, оказалось все же недостаточным для решения экономических и демографических проблем Эвбеи. Об этом красноречиво свидетельствует появление в скором времени после основания Кимы целого ряда новых поселений, основанных выходцами из Эвбеи на востоке Сицилии и на юге Италии. Однако, несомненно, последующие масштабные достижения Эвбеи в деле колонизации Запада во многом были обусловлены именно успешным ее началом. Большую роль в указанном отношении сыграл уникальный практический опыт, приобретенный полисами Эвбеи — участниками ранней колонизации Италии. Основание Питекуссы и Кимы обеспечило Эвбее лидирующее по отношению к другим участникам колонизационного процесса положение, а значит, и связанные с ним немалые преимущества.

Источники и литература

1. *Dunbabin T. J.* The Western Greeks. The History of Sicily and South Italy from the Foundation of the Greek Colonies to 480 B.C. Oxford: Clarendon Press, 1948. 506 p.
2. *Graham A. J.* The Colonial Expansion of Greece // *CAH* Vol. III. Part 3. 1982. P. 83–162.
3. *Buchner G.* Pithekoussai. Oldest Greek Colony in the West // *Expedition*. N 8. 1966. P. 4–12.
4. *Buchner G.* Early Orientalizing: Aspects of the Euboean Connection // *Italy Before the Romans. The Iron Age, Orientalizing and Etruscan Periods* / Ed. by D. F. R. Ridgway. L.; N-Y.; San Francisco: Academic Press, 1979. P. 129–144.
5. *D'Agostino B.* Euboian Colonisation in the Gulf of Naples // *Ancient Greeks West and East* / Ed. by Gocha Tsetskhadze. Leiden: Brill, 1999. P. 207–227.
6. *Boardman J.* The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade. 4th ed. L.: Thames and Hudson, 1999. 304 p.
7. *Blakeway A.* “Demaratus”: A Study in Some Aspects of the Earliest Hellenisation of Latium and Etruria // *The Journal of Roman Studies*. 1935. Vol. 25. P. 129–149.
8. *Woodhead A. G.* The Greeks in the West. L.: Praeger, 1962. 243 p.

9. *Snodgrass A.* The Dark Age of Greece: An Archaeological Survey of the Eleventh to the Eighth Centuries B.C. 2nd ed. L.: Routledge, 2000. 456 p.
10. *Trendall A. D.* Archaeology in South Italy and Sicily // Archaeological Reports. 1966–1967. P. 29–46.
11. *La Geniere J.* The Iron Age in Southern Italy // Italy Before the Romans. The Iron Age, Orientalizing and Etruscan Periods / Ed. by D. F. R. Ridgway. L.; N-Y., San Francisco: Academic Press, 1979. P. 59–93.
12. *Coldstream J. N.* Geometric Greece: 900–700 BC. 2nd ed. L.: Routledge, 2003. 456 p.
13. *Ridgway D.* Euboians and Others along the Tyrrhenian Seaboard in the 8th Century B.C. // Greek Identity in the Western Mediterranean. Papers in Honor of Brian Shefton. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 15–33.
14. *Bury J. B.* Euboea before the Lelantine War // The English Historical Review. 1886. Vol. 1. N 4. Oct. P. 625–638.
15. *Burn A. R.* The So-Called “Trade-Leagues” in Early Greek History and the Lelantine War // The Journal of Hellenic Studies. 1929. Vol. 49. Part 1. P. 14–37.
16. *Gwynn A.* The Character of Greek Colonization // The Journal of Hellenic Studies. 1918. Vol. 38. P. 88–123.
17. *Hurwit J. M.* The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Cornell: Cornell Univ. Press. 1985. 367 p.
18. *Buckley T.* Aspects of Greek History, 750–323 B.C. L.: Routledge. 1996. 542 p.
19. *Bakhuisen S. R., Kreulen R.* Chalcis-in-Euboeia, Iron and Chalcidians Abroad. Leiden: Brill. 1976. 100 p.
20. *Graham A. J.* Patterns in Early Greek Colonisation // The Journal of Hellenic Studies. 1971. Vol. 91. P. 35–47.
21. *Treister M.* The Role of Metals in Ancient Greek History. Leiden: Brill, 1996. 481 p.
22. *Kearsley R. A.* Greeks Overseas in the 8th Century B.C.: Euboeans, Al Mina and Assyrian Imperialism // Ancient Greeks west and east: edited by Gocha R. Tsetskhladze. L.: Brill. 1999. P. 109–134.
23. *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 266 с.
24. *Пальцева Л. А.* Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 301 с.
25. *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. По данным эпиграфических источников. М.: Наука, 1982. 312 с.
26. *Hall J. M.* A history of the archaic Greek world, ca. 1200–479 B.C. Oxford: Blackwell. 2007. 321 p.
27. *Hansen H. M., Nielsen T. H.* An Inventory of Archaic and Classical Poleis. Oxford: Oxford University Press, 2004. 1396 p.
28. *Cawkwell G. L.* Early Colonisation // The Classical Quarterly. New Series. 1992. Vol. 42, No 2. P. 289–303.
29. *Ridgway D.* The First Western Greeks. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 199 p.
30. *Scheidel W.* The Greek Demographic Expansion: Models and Comparisons // The Journal of Hellenic Studies. Vol. 123. 2003. P. 120–140.